

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Алексеевич Кузмин

Письмо в Пекин

Серия «Заметки о литературе», книга 3

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311552

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Критическая проза М. Кузмина еще нуждается во внимательном рассмотрении и комментировании, включающем соотнесенность с контекстом всего творчества Кузмина и контекстом литературной жизни 1910 – 1920-х гг. В статьях еще более отчетливо, чем в поэзии, отразилось решительное намерение Кузмина стоять в стороне от литературных споров, не отдавая никакой дани групповым пристрастиям. Выдаваемый им за своего рода направление «эмоционализм» сам по себе является вызовом как по отношению к «большому стилю» символистов, так и к «формальному подходу». При общей цельности эстетических взглядов Кузмина можно заметить, что они меняются и развиваются по мере того, как те или иные явления становятся историей. Так, определенную эволюцию претерпевают взгляды Кузмина на искусство символическое, которое он в 20-е гг. осмысляет более широко и более позитивно, чем в статьях 10-х гг. Несомненно, что война 1914 г.

усилила в нем его «франкофильство» и отрицание немецкой культуры как культуры «большого стиля». Более многогранно и гибко он оценивает в 20-е гг. Анатоля Франса как типичного представителя латинской культуры. Мы предлагаем вниманию читателя несколько статей разных периодов, отчасти собранных в сборнике «Условности». Остальные статьи – из различных альманахов, журналов и сборников

Михаил Кузмин

Письмо в Пекин

Нелегкую задачу ставите Вы мне, милый друг. Пополнить вашу библиотеку русскими книгами, вышедшими за последнее пятилетие, сделать краткий обзор того, что происходило без Вас в нашей литературе, и совсем убиваете фразой: «главным образом те произведения, в которых отразилась современность и духовное состояние страны». Сколько раз мы говорили с Вами о том, что всякое подлинное произведение искусства по самому существу своему, часто мимо воли художника, не может не быть современным, иногда заглядывая в будущее, но уж никак не отставая от жизни. Нужно доверять искусству и, как бы ни кричала видимость о несоответствии момента с искусством, в нем протекающем, верить следует последнему, а не видимости. Конечно, можно снова поднять ветхий и вечный вопрос о том, что такое искусство и чем определяется его подлинность. Но для этого понадобилось бы или безответственное изречение, или томы не менее безответственных рассуждений. Тем более что между мной и Вами вопросы эти без слов решены, и Вы в данном случае можете только положиться на меня.

Согласно уговору я не буду также перечислять Вам всевозможные поэтические школы, которых у нас столько же, сколько во всякой уважающей себя стране. Могу сообщить

только одно, что формальная волна спадает и попытки овладеть сущностью искусства при помощи механического анализа и приемов, оканчиваясь все большей неудачей, делаются все реже. Вера в непогрешимость акмеизма, футуризма, всяких цехов и студий подорвана едва ли поправимо. Искусство возвращается к своим эмоциональным, символическим и метафизическим истокам. И тут я вижу два русла: панического тупика и экзальтированного приятия жизни. Иногда они соединяются, как это ни чудовищно. Паника и экзальтация, ужас и восторг, беспокойствие, неуравновешенность – вот пафос современного искусства, а следовательно, и жизни. Смешанность стилей, сдвиг планов, сближение отдаленнейших эпох при полном напряжении духовных и душевных сил. Вы это заметите во всех произведениях, о которых стоит говорить. Некоторые остатки цехового бездушного мастерства и возрождение «здорового» протоколизма считаю явлениями очень временными и нехарактерными.

Здесь очень шумят и явочным порядком все наполняют так называемые «Серапионовы братья». Гофмана, конечно, тут и в помине нет. Эти молодые и по большей части талантливые люди, вскормленные Замятиным и Виктором Шкловским (главным застрельщиком «формального подхода»), образовали литературный трест, может быть, и характерный как явление бытовое. Но глубочайшее заблуждение думать, что их произведения отражают сколько-нибудь современность. Протокольные фотографии военных, деревен-

ских и городских сцен, передача минутного жаргона и делового «волапюка», лишённые не только эмоционального, но всякого отношения со стороны автора, – в лучшем случае материал для музея «материальной культуры». Но не нужно забывать, что для изучения народного быта писания таких народников, как Слепцов, Левитов, Решетников, оба Успенские, ничтожны. Когда же у «Серапионов» является минимальное отношение к фотографируемым *nature mort'*ам, оно не выше обывательского зубоскальства Аверченки и Тэффи. Не думаю, чтобы пафос современности заключался в трудовых карточках, пайках, отсутствии дров и комиссарских именинах. Относительно подобной «современности» неплохо обмолвился поэт Нельдихен: «Вот Ирина Одоевцева писала балладу про испорченный водопровод; водопровод починили – баллада и устарела».

Я думаю, что рассказы «Серапионовых братьев», писанные в 1920 году, в 1922 году уже устарели.

К ним же я причисляю и Пильняка.

Механичность в применении приемов очевидна хотя бы из того, что слогом Андрея Белого, лабораторно вымученным для выражения метафизических тупиков и душевного разложения, они не смущаясь пользуются для бездумного фотографирования бытовых сценок. Чтобы дать Вам понятие об этой модной литературе (и только литературе), посылаю вам одну книгу Пильняка.

Из художников, пришедших в панический тупик, первый,

безусловно, Андрей Белый. Посылаю Вам его «Котика Летаева», «Эпопею» и «Христос Воскрес». Последнее произведение довольно слабое, особенно по сравнению с «Двенадцатью» Блока, с которым оно имеет очевидную претензию соперничать, но характерное, как путь, приведший автора ко всевозможным «кризисам» и колоссальному самоистреблению «Эпопеи».

Посылаю и последние книги А. Ремизова, изданные (увы!) за границей, где эмигрантское нытье оказало явное влияние на склонного вообще к панике этого замечательно-го писателя.

Из книг не «панических» посылаю Вам Хлебникова и сборники с прозой Пастернака и Юркуна. Хлебников умер. Это был гений и человек больших прозрений. Органическая косноязычность, марка «футуриста» и выдавание исключительно филологических (хотя и блестящих) опытов за поэтические произведения сделают надолго его непонятным, но Вы давно уже оценили его опьянение русским языком и южнорусской природой, его лирико-эпическую силу, детскую нежность под шершавой корой и, наконец, его способность проникать в самую глубину, сердцевину творчества русских сил и предвидения. «Ночь в окопах» и «Зангези» – произведения длительного и неослабевающего дыхания. К сожалению, я не мог достать книги «Доски судьбы», где, вероятно, немало острых догадок и глубоких размышлений. Современность проходит по творчеству Хлебникова, как лучи

прожектора по облачному небу, образуя странную и смутную игру сдвигов, но, перенесенная в метафизический план, приобретает тем более устойчивую и убедительную реальность. Хлебников был бы величайшим поэтом, «ведуном» наших дней, если бы можно было надеяться, что со временем он будет понятен. Но органическая невнятность и сознательное пренебрежение к слушателю ограничивают его место в искусстве. Он имеет сходство с немцем Гаманом, «северным магом» эпохи «бури и натиска», превосходя, конечно, его гениальностью.

Вы знаете и любите стихи Пастернака, и я с удовольствием заранее представляю себе Вашу радость при чтении его повести «Детство Люверс». Как это современно по жизненности, как ново и вместе как интересно тут преломляются Гете и Л. Толстой! И как далека от протокольности при всей своей подробности описательная часть этой повести!

Вихревой блеск описаний, восторженная нежность к жизни, природе и людям, патетизм лирических рассуждений, эмоциональность фабулы и способность показывать каждый предмет, каждое слово со всех сторон, в трех измерениях – еще не оцененные достаточно свойства прозы Юр. Юркуна, может быть, наиболее своеобразной из современной.

Тут же я обращаю Ваше внимание на стихи и прозу Константина Вагинова, зная Вашу привычку следить за всем значительным с самого начала.

Не жалейте, что я Вам не посылаю последних книг А. Тол-

стого. Они, конечно, бодры, приятны и легки для чтения, но едва ли прибавят какие-нибудь новые черты к облику этого художника, которого Вы всегда упрекали в поверхностности и занятости слишком внешней и случайной. Впрочем, «Детство Никиты» я Вам постараюсь выслать, так же как «Островитян» и «Ловца человеков» Замятина, которые Вы, конечно, прочтете с удовольствием.

Из обширной уже литературы об А. Блоке, кроме переиздания его сочинений, пошлю Вам только книгу Бекетовой и воспоминания Андрея Белого, из которых, впрочем, мы больше узнаем об авторе воспоминаний, чем о покойном поэте.

Посылаю Вам три книги Анны Радловой и «Tristia» О. Мандельштама. Вы увидите огромный путь, который прошла Радлова с первых своих шагов до последнего сборника, где перед нами подлинный и замечательный поэт с большим полетом и горизонтами, в строках которого трепещет и бьется современность (не в «пайковом» смысле) и настоящее человеческое сердце.

Эволюцию и большой пафос (какой-то ледяной) Вы заметите в прекрасной книге Мандельштама.

Из книг Ф. Сологуба я ограничусь «Фимиамами» и «Одной любовью». В лучших стихах Вы найдете примиренность, большее приятие жизни и милое простодушие, вообще свойственное этому поэту, но которое прежде он часто маскировал наивным демонизмом.

К сожалению, кроме «Младенчества», я ничего не могу Вам найти из книг столь любимого вами Вяч. Иванова.

Посылаю «Anno Domini» А. Ахматовой и две толстые книги Маяковского. У Маяковского Вы найдете много замечательного и очень современного (напр., «Мистерия-Буфф», «150.000.000»), но не напрасно Чуковский соединил эти два имени. Оба поэта, при всем их различии, стоят на распутье. Или популярность, или дальнейшее творчество. Люди не терпят движения, остановки недопустимы в искусстве. Творчество требует постоянного внутреннего обновления, публика от своих любимцев ждет штампов и перепевов. Человеческая лень влечет к механизации чувств и слов, к напряженному сознанию творческих сил нудит беспокойный дух художника. Только тогда сердце по-настоящему бьется, когда слышишь его удары. Никаких привычек, никаких приемов, никакой набитой руки! Как только зародилось подозрение в застое, снова художник должен ударить в самую глубь своего духа и вызвать новый родник – или умолкнуть. На безмятежные проценты с капитала рассчитывать нечего. И Маяковский и Ахматова стоят на опасной точке поворота и выбора. Что будет с ними, я не знаю, я не пророк. Я слишком люблю их, чтобы желать им не творческого пути, а спокойной и заслуженной популярности. Покуда шлю Вам их книги.

Вы, может быть, удивитесь, что у нас существует название пролетарских поэтов. Но ведь Вы же не боитесь слов. Их довольно много, и среди них есть талантливые. Бодрость, воля

к жизни, к будущему, любовь к природе и людям – их общий пафос. Поэзия эта отнюдь не сословная (чем они отличаются от Кольцова и Никитина), как это можно было предполагать. Техническая неопытность, которая у некоторых из них была вначале, давно преодолена, и у лучших из них, как, напр., у И. Садофьева, кроме значительного дарования и современного пафоса жизни – и технические достижения в области свободного стиха и строгих строчек очевидны. Упрекнуть можно разве только (это не касается Садофьева) – в недостаточном чувстве слова и в предрассудке, что есть слова специально «революционные». Предрассудок этот не более как воспоминание о газетных и митинговых штампах. Посылаю Вам несколько книг Садофьева и др., чтобы не исключить значительную область не только современной, но вообще поэзии.

Для полноты посылаю Вам книги Есенина и Клюева; Вы сумеете отличить там подлинную поэзию от моды и даже известного шарлатанства, к ним же присоединяю и книгу Куликова.

Легко может случиться, что я что-нибудь и забыл. Дошло в следующий раз.

Я помню, как Вы говорили, что включаете в свою библиотеку книги, которые не только нужно прочесть, но и можно перечитывать. Относительно современников трудно соблюдать подобный критерий, так как настоящей пробирной палаткой является только время.

Посылаю вам еще две книги как образчики иллюстраций и изданий: «Двойники» нашего любимого Гофмана в переводе Вяч. Иванова с замечательными иллюстрациями Головина и «Портреты» Ю. Анненкова. Вот, кажется, и все. Будьте здоровы и счастливы, мой друг, и шлите свои возражения и желания. Все, что в моих силах, я сделаю. Целую Вас.

P.S. Да, Вы пишете, что у Вас есть знакомая молодая мать, обожающая своего ребенка и желающая соответствующего чтения, – посылаю ей (а не в вашу библиотеку) книгу Шкапской.

Относительно же коллекционера, собирателя фарфора, не знаю, как быть. Хотел было послать ему «Сады» Г. Иванова, но, пожалуй, более подходящими будут «Марки фарфора». Еще раз до свидания.

1922